

Владимир Максимов
инженер - майор внутренней службы
ветеран пожарной охраны

Максимов Владимир Николаевич, 2014 г.

Воспоминания бывшего малолетнего узника концлагеря

Эвакуация.

В летнее воскресное утро 22 июня 1941 года жители кижских деревень, не имеющих в то время ни телефонной, ни радиосвязи разве могли знать, что за тысячи километров от Кижей уже рвались снаряды над мирно спящими городами и селами нашей страны.

Там давно уже шла война. Фашистские стервятники бомбили наши города.

Слух о начале войны с Германией дошел до меня, десятилетнего парня из деревни Ерсенево, только к вечеру 22 июня от пассажиров парохода «Володарский», пришедшего из Петрозаводска.

С этого дня спокойный семейный уклад жизни кижских деревень резко изменился. Уже на третий день войны мой отец Максимов Николай Федорович и два его брата – Александр и Михаил с другими мужчинами Кижского с/совета были призваны по мобилизации на защиту Отечества.

Сколько таких колхозных мужиков было призвано в тот день, я не знаю, но когда они сели верхом на лошадей и двинулись полем к лесному массиву, по которому пролегла дорога от райцентра Великая Губа, то вереница всадников растянулась почти на полкилометра.

А оставшиеся жены, дети, старики еще долго стояли, оцепенев, рыдали и махали руками им вслед, а многим из них в последний раз.

Наша семья перед войной была большая – 15 человек. Все три брата были женаты и жили одной семьей. Теперь, после мобилизации, в доме остались только женщины и дети.

С уходом мужчин в армию колхоз «Новое время» еще некоторое время продолжал функционировать, и наша мама с тетушками продолжали в нем работать. Но это было недолго, все чаще до нас доходили слухи, что линия фронта приближается к Петрозаводску, и финские войска оккупируют и заонежский район, а потому взрослые упорно говорили об эвакуации жителей наших деревень.

В эту осень 1941 года рано выпал снег и наступили морозы, озеро покрылось льдом, поэтому эвакуация жителей деревень, разбросанных по берегам кижских шхер, не состоялась, ведь единственным средством эвакуации был водный транспорт. В конце сентября все чаще стали слышаться со стороны Петрозаводска раскаты бомбежек, а в вечерние и ночные часы было видно зарево горевшего города.

И вот в один из дней ноября, около 11 часов утра длинной лыжной колонной появились в нашей деревне финские солдаты. Они подходили к деревне со стороны Великой Губы, и кроме черных автоматов, висевших на шеях и обветренных лиц пришельцев, не было видно ничего, солдаты были одеты в белые маскировочные халаты. Проверив дома и не найдя ничего подозрительного, колонна лыжников двинулась дальше, деревне Боярщина. Вечером того же дня все взрослое население было собрано в деревне Боярщина, где был объявлен приказ новой оккупационной администрации с различными ограничениями и запретами для местных жителей.

Чтобы лишить опорных пунктов наших партизан, приходивших к нам через озеро с Пудожского берега, финны приняли решение о тотальной эвакуации всего населения Заонежья в Петрозаводск, где уже были созданы концентрационные лагеря.

В один из январских дней в деревне появилась группа финских солдат и объявила, чтобы жители в трехдневный срок были готовы к эвакуации. Разрешалось взять с собой только самое необходимое и продукты питания на 2-3 дня.

И вот тот час настал. Под дулами автоматов и рыдания женщин на сани укладывались дети и небогатые пожитки. В дворовых постройках оставался домашний скот, собранный урожай овощей. Обоз из нашей деревни двинулся в сторону Сенной Губы. По пути к нам присоединились повозки из деревни Боярщина, Мальково, Жарниково. Когда мы миновали Сенную Губу, нам объявили, что дальше нужно следовать в село Клименицы, которое находится в конце Большого Клименецкого острова. В селе нас всех разместили в здании школы, там уже находилось несколько сот человек из других деревень. При свете одиночных керосиновых фонарей трудно было сориентироваться в незнакомой обстановке. Финны с помощью громкоговорителей объявляли, кто и когда будет отправлен с очередным рейсом на автомашинах через Онежское озеро.

Преодолев большое Онего, колонна машин въехала в Петрозаводск, погруженный во тьму. Видны были только одиночные огни в окнах домов. Мы долго кружили по ночным улицам, пока наконец машина не остановилась у ворот,

опутанных колючей проволокой, словно паутиной. Так мы оказались в концлагере № 3.

Через переводчика нам была объявлена команда - разгрузаться. Женщины с маленькими детьми были направлены в двухэтажный барак. Но, по-видимому, свободного жилья к нашему приезду в концлагере № 3 уже не было, поэтому во второй половине дня поступила команда вновь грузиться на автомашину. Так мы оказались в концлагере № 1, который был размещен на Старой Кууковке за железнодорожным мостом. Нашу семью из 6 человек разместили в комнате 11-12 квадратных метров на втором этаже в доме барачного типа. Значился барак под № 1.

Жизнь в концлагере.

С этого дня, примерно около года, нам пришлось в жесточайших условиях этого концлагеря коротать первый год войны, не зная, что происходит на фронте. Для узников выпускалась газета на русском языке «Северное слово», но она не отражала правдивой информации.

Трудно было нам, свободолюбивым жителям Заонежья привыкнуть к тем условиям жизни и порядка, которые были установлены финской администрацией. Но труднее всего было привыкнуть к тому, что все время хотелось есть. Тот мизерный паек муки -150 грамм или несколько сухих галет да пакетик сахарина на одного человека не могли обеспечить потребность в еде. Других же продуктов питания в концлагере не было. Поэтому, когда зимой 1942 года узников выпускали за зону колючей проволоки за дровами, чтобы протопить печь, нам, пацанам, приходилось заниматься попрошайничеством у финских солдат, которые жили на казарменном положении недалеко от концлагеря. И конечно, мы лазили по помойкам, подбирали картофельные очистки и отбросы съестного от их кухонного довольствия.

С нетерпением ждали мы теплого лета, и не без основания. На одном участке у барака № 9 охранная зона очень близко подходила к густому кустарнику ольхи. Это место недостаточно просматривалось с вышки, где несли дежурство вооруженные автоматами финские солдаты. Вот в этом месте нами была устроена замаскированная ветками лазейка под колючей проволокой, которая вела сразу в лесной массив. В лесу мы нашли дорогу, которая привела нас к двум небольшим ламбушкам. В них водилось много мелкой рыбешки, в основном окуньков. Наловив их в достаточном количестве, варили уху в консервных банках и разливали ее в изготовленные из бересты чумички.

Но однажды, ранним утром, при очередной нашей вылазке, с вышки охраняемой зоны раздалась автоматная очередь. Мы были обнаружены. Пули с шумом просвистели по кустам, изрядно напугав нас, но все обошлось. Находясь на свободе в лесной зоне, мы порою забывали, что где-то идет война и гибнут наши отцы и деды.

Жизнь наша в этом концлагере продолжалась недолго. По неизвестной причине несколько семей, в том числе и нашу, перевезли в концлагерь № 3 и разместили в бараке под № 14. Этот концлагерь как по площади, так и по числу проживающих был значительно больше. В основном, в нем были сосредоточены жители Ленинградской области из Лодейного поля, Вознесенья, Остречин и других сел. Этот лагерь располагался в следующих границах: со стороны

Онежского озера был ограничен бывшей улицей Болотной (ныне улица Ригачина), с противоположной – улицами Коммунистов и Правды. Северная и южная границы проходили по дворовым территориям.. Концлагерь имел две так называемые «проходные». Одна - центральная со стороны улицы коммунистов, а вторая – между бараками №12 и №13, с выходом на улицу Болотная.

В этом лагере мы находились до освобождения Петрозаводска нашими войсками от финских оккупантов.

То, что пришлось нам пережить, находясь в концлагере, и сейчас вспоминается как кошмарный сон. Это голод, холод, унижения и бесконечные слезы и рыдания по умершим родственникам, которых ежедневно десятками увозили на кладбище в Пески. В нашей семье умерла младшая сестричка, которой было только полтора года. В таком же возрасте умер и мой двоюродный братик. От голода в первую очередь умирали дети и старики. В их память сейчас ежегодно 11 апреля, в международный день освобождения узников нацистских концлагерей зажигаются свечи у скромного мемориального памятника, что установлен на кладбище в Песках.

Мама, как и многие женщины лагеря, привлекалась к тяжелому каторжному труду по заготовке дров на бирже. Ежедневно ранним утром, построенные в колонну, полуголодные, они уходили из концлагеря под конвоем финских солдат к месту работы. Рабочий день продолжался по 10 часов, а иногда и больше. Но нас, малолеток, успокаивало одно то, что мама получит дополнительный хлебный паек.

Вспоминается такой эпизод, связанный с постоянным чувством голода. Однажды, мама, чтобы испечь из скудного пайка муки хлеб, добавила в тесто истолченные картофельные очистки. Нам с братом показалось, что каравай хлеба, положенный в печь, был больше обычного, и мы решили пощупать поджарившиеся корочки, отщипывая понемногу, при этом обжигая пальцы сырым еще тестом. Когда мама сняла его с печки, каравай получился в виде «ёжика» и значительно уменьшился в объеме. После чего нам с братом досталось «на орехи».

Одной из забот лагерной жизни было еще и то, чтобы избежать вшивости. Для этой цели из-за отсутствия мыла приходилось готовить щелочь из золы. С ее помощью отстирывали бельё, мылись в бане. Баня представляла собой небольшую рубленную из бревен избу, которая находилась в 30-40 метрах во дворе нашего барака.

По строго установленному графику происходила помывка проживающих в бараках. В указанные графиком дни и часы мы отправлялись в баню, причем мужчины и женщины мылись вместе. Количество потребляемой воды ограничивалось, так как ее привозили в бочках на лошадях. За время помывки наше белье прожаривалось в камере, в условиях высокой температуры.

Каждый день в лагере был непредсказуем, всегда была опасность подвергнуться наказанию. В память ярко врезался случай, который произошел в конце ноября 1943 года. Мы, группа пацанов, отправились за дровами. На берегу Онежского озера под обвалившейся кровлей сарая увидели кучу замерзшего овоща. Позднее выяснили, что это был турнепс. Мы набрали его в сумки, которые всегда находились у нас под одеждой, прихватили с собой дощечки в качестве дров и отправились в лагерь.

На проходной нас остановил дежурный наряд во главе с помощником коменданта концлагеря, которого в лагере знали все от мала до велика за его деспотичность. Звали его Бертель. Ходил он всегда, держа в руках бамбуковую палку, которую частенько прикладывал к мягкому месту малолеток. И на этот раз не обошлось. Крепко досталось и нам, и девушкам, которые шли следом за нами. А турнепс у нас на проходной отобрали, и всех нас взяли «на карандаш». На следующее утро мы были взяты под арест и помещены в так называемую «холодную будку» на 7 суток.

Находилась она на первом этаже барака № 3. Кроме дощатых нар в нашей камере ничего не было. Женская камера находилась от нас за капитальной стенкой, но всхлипывания девушек доносились до нас. Три ночи, ежась от холода и голода, коротали мы на нарах, а днем нас выводили под конвоем на свалку, куда на лошадях доставлялись отходы от очистки лагерных туалетов. Нам нужно было рыть для этого ямы и производить захоронения этих отходов. Но вот, по чьей-то доброй воле, через трое суток нас решили отпустить, но обязательно через так называемую баню-санпропускник.

Здесь для нас был приготовлен сюрприз. После помывки нас угостили розгами из березовых веток. Так нас, малолеток, угостили в бане «березовой кашей», раздатчиком этой «каши» был старший староста концлагеря по имени Степан. Девушкам досталось не меньше, им были наголо острижены волосы. Вот так нам обошелся мороженный турнепс, которого не пришлось даже попробовать.

О том, что происходило на фронтах, мы по-прежнему ничего не знали, но верили, что придет время и наша армия победит фашистов, а мы выйдем из-за колючей проволоки. И Игры наши отражали эту веру. Например, мы играли в игру «атака красных», по результатам которой победителю присваивалось звание «Боец Красной армии». Для этих игр мы вырезали из дерева игрушечные винтовки и другое оружие. Так нам хотелось помочь приблизить день победы наших войск над фашистами.

Снова долгожданная свобода.

Самым впечатляющим моментом тех далеких дней останутся два последних дня пребывания в концлагере. Это были дни 27 и 28 июня 1944 года. Финская армия отступала, и ее солдаты сплошным потоком на велосипедах и мотоциклах катили со стороны старой Кукковки по улице Правды через центральную часть города, взрывая и поджигая наиболее важные объекты, в том числе и мосты через реку Лососинку. Но больше всего мне запомнилось, как была подожжена и горела пристань, которая была построена финнами напротив концлагеря.

День 28 июня был для нас днем освобождения, днем радости и ликования. Когда катера Онежской флотилии с характерным шумом работы двигателей показали со стороны острова Ивановский, мы с другом были одними из первых, кому удалось на дырявой лодчонке добраться с берега до конца причала, ибо средняя часть пристани горела, подожженная финнами еще накануне вечером. Основная же масса жителей лагеря к месту причала катеров пробиралась через горевшие места пристани по временно устроенным трапам из досок.

А вечером на площади Ленина состоялся митинг в честь освобождения города. Памятника Ленину на площади не было, вместо него на постаменте стояла

пушка, установленная финнами. Весь центр города 28 и 29 июня был заполнен ликующими свободными людьми концлагерей №№ 1,2,3,4,5 и 6. Освобожденные люди сбрасывали с 2хметровых столбов ограждения концлагерей оковы колючей проволоки. Таков был итог освобождения Петрозаводска.

А в конце июля 1944 года началось массовое возвращение уже бывших узников в родные места. В один из таких дней мы впервые получили весточку от отца, который после тяжелого ранения и госпиталя находился в восстановительной воинской части, в Подмосковье. Радости нашей, что отец жив не было предела. Позднее узнали, что два его брата погибли. В начале августа мы с мамой и бабушкой возвратились домой, в деревню Ерсенево. Это были трудные дни становления, брошенной войной, родной деревни. Крапива и лопухи были выше человеческого роста. Но мы, уже повзрослевшие дети: я, брат и две сестренки, стали для мамы опорой в семье. Жизнь на родной земле быстро налаживалась. Снова стал функционировать Кижский сельский Совет, возродился наш колхоз «Новое поле», открылись Жарниковская школа и магазин.

С нетерпением ждали Дня Победы. И вот 9 мая 1945 года ранним солнечным утром слышали о долгожданной Победе, Это была великая радость, радость со слезами на глазах.

А как сложилась моя жизнь дальше, это уже новая страница моей биографии. Закончил школу, техникум, институт, получил квалификацию инженера-строителя и до выхода на заслуженный отдых в 1990 году все силы отдавал полученной профессии.